

Theatre and Music. Rus[skiy] Ved[omosti] 1913, December 17 no. 290, p. 6.

Театр и музыка. Рус. вед. 1913. 17 декабря, № 290. С. 6.

Quoted in Val'kova, S. V. Rachmaninoff: Chronicle of Life and Works, vol. 2, p. 492

The Philharmonic Society's Third Symphony Meeting (December 14) opened with Tchaikovsky's Fourth Symphony. This symphony is one of the composer's most popular works and has been performed especially frequently in recent years. But no one, not even excluding renowned Tchaikovsky "experts," performs it (or, more accurately, its principal first movement) with such originality and at the same time, such freshness as Rachmaninoff, who conducted this time. One could document numerous minor and major nuances of Rachmaninoff's interpretation, from subtle aspects of tempo, strength, accentuation, and so on, to such immediately striking, superb effects as the captivating, frenzied acceleration in the coda of the first movement, made possible only by the extraordinary deceleration of the beginning of this superb coda, so reminiscent in its structure of the coda of the finale of Beethoven's "Sonata Appassionata." But the essence of the matter is not in the recording of these features, but in their final artistic result. Everything that was (or seemed) captivating to the listener in this symphony has fallen away like a husk, and it appears before the listener pure, powerful, tender (second theme!), as if washed by the fragrant, fresh dew of the first day of creation.

This purity and transparency may have even softened the tragic passion of Tchaikovsky's accents here and there, but... how beautiful they were! One cannot help but be grateful to Rachmaninoff for recalling Tchaikovsky's undeservedly forgotten Third Suite, from which he performed (and performed so superbly!) the theme and variations. During the season when this suite was first performed in St. Petersburg (I believe in 1885, under the baton of Mr. von Bülow), a questionnaire was sent out to attendees of the IRMO symphony concerts asking which works they would like to hear at the Society's special spring concert. The suite received the most votes then. Audiences would undoubtedly regard the Third Suite with the same sympathy today. For these enchanting variations are impossible not to like. Only Tchaikovsky could have provided, even in this seemingly "most formal" genre, such a sea of ever-new and ever-genuine melodies, each one seemingly born of itself and, in turn, capable of serving as the theme for new variations. And how uniquely delightful each of these microcosmic variations sounds in the orchestra!

Casals performed as the soloist at the concert. Yu. E. [Yu. D. Engel]

[Translation: Google]

Третье симфоническое собрание филармонического Общества (14 декабря) открылось Четвертой симфонией Чайковского. Симфония эта — одно из популярнейших сочинений композитора и в последнее время играет особенно часто. Но никто, не исключая известных «специалистов» по Чайковскому, не исполняет ее (или, вернее, ее основной первой части) так оригинально и в то же время так свежо, как Рахманинов, дирижировавший в этот раз. Можно было бы документально установить множество мелких и крупных особенностей рахманиновского толкования, от еле заметных оттенков темпа, силы, акцентуации и т. д. до таких сразу бросающихся в глаза превосходных эффектов, как захватывающий бешеный разгон в коде первой части,

возможный лишь благодаря необычайному замедлению начала этой превосходной коды, столь напоминающей по типу строения коду фи-нала бетховенской «Sonata appassionata». Но суть дела не в запротоколировании этих особенностей, а в их конечном художественном результате. Все, что было (или казалось) в этой симфонии захватанного, прислушавшегося, отпало, точно шелуха, и она предстала перед слушателем чистая, сильная, нежная (2-я тема!), точно омытая благоухающе-свежей росой первого дня творения.

Эти чистота и прозрачность, может быть, даже смягчи-ли кое-где трагическую страстность акцентов Чайковского, но... как они были прекрасны! Нельзя не быть благодарным Рахманинову и за то, что он вспомнил о незаслуженно забытой 3-й сюите Чайковского, из которой исполнил (и как превосходно исполнил!) тему с вариациями. В тот сезон, когда эта сюита была исполнена впервые в Петербурге (кажется, в 1885 г. под управлением Г. фон Бюлова), среди посетителей сим-фонических концертов ИРМО устроена была анкета по вопросу, какие произведения хотелось бы им услышать в весеннем экстренном концерте Общества. Больше всего голосов получила тогда сюита. С такой симпатией, несомненно, отнеслась бы к третьей сюите публика и теперь. Потому что эти очаровательные вариации не могут не нравиться. Только Чайковский мог дать и в вариациях этом, казалось бы, «формальнейшем» жанре такое море все новых и все настоящих мелодий, из коих каждая родилась точно сама из себя и в свою очередь сама могла бы служить темой новых вариаций. А как своеобразно прелестно звучит в оркестре каждая из этих вариаций-микрокосмов! Солистом концерта выступил Казальс.